

Е. В. Иманкулова

Екатеринбург

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА ЧИСТОТЫ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ XX века*

* Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы» (ГК № П433 от 12.05.2010 г.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт; чистота; очищение; телесность; очищение; советская культура; постсоветская культура

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена культурологическому анализу процесса трансформации концепта чистоты в культуре России XX века. На основе систематизации имеющихся подходов уточняются сущность понятия «чистота», формы ее существования (телесная, бытовая, идеологическая и др.) и трансформации смыслов в досоветский, советский и постсоветский периоды истории России.

E. V. Imankulova

Yekaterinburg

TRANSFORMATION OF THE PURITY CONCEPT IN RUSSIAN CULTURE of the 20TH century

KEY WORDS: concept; purity; purification; Soviet culture; Post-Soviet culture

ABSTRACT: The article presents a cultural analysis of the transformation process of the purity concept in Russian culture of the 20th century. The author attempts to systematize approaches to defining the concept of «purity» and thereby clarify the essence of this notion, its bodily, everyday, ideological etc. forms and the transformations that took place in the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods in the history of Russia.

В современных гуманитарных исследованиях понятие «концепт» употребляется активно специалистами различных дисциплин. В лингвистике и психолингвистике изучение концептов – одно из приоритетных направлений исследований. На стыке культурологии и лингвистики формируется лингвокультурология как самостоятельная дисциплина, в которой концепт является одним из основных инструментов исследования. Вместе с тем, в употреблении термина «концепт» нет четкости, сложно найти его однозначную интерпретацию. Проблема определения концепта обсуждалась Ю. С. Степановым, В. И. Карасиком, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачевым, С. Б. Куцым, Е. С. Кубряковой и др.

В культурологии сложность работы с понятием «концепт» обусловлена неразработанностью методологии анализа концептов. По мнению И. А. Стернина, культурологическое направление в изучении концептов предполагает «исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук» [10. С. 35], такие исследования междисциплинарны, не связаны исключительно с лингвистикой. Язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт). И. А. Стернин наряду с культурологическим, называет следующие направления изучения концептов: лингвокультурологическое – «исследование названных языковыми единицами концептов

как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев)); логическое – «анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы» (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павленис); семантико-когнитивное – «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Быкова); философско-семиотическое – «исследуются когнитивные основы знаковой» (А. В. Кравченко) [10. С. 36].

Культурологическое направление в изучении концептов развивает в отечественной науке Ю. С. Степанов. Согласно Ю. С. Степанову, концепт – это идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия. Концепт – это «сгусток культуры в сознании человека» [9. С. 42], то, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека» и «то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру» [Там же]. Ю. С. Степанов подробно рассматривает структуру концепта и затрагивает вопрос о совокупности методов исследования концепта. Концепты существуют в виде совокупности представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. Концепт является сочетанием абстрактных и конкретных компонентов, рациональной и эмоциональной составляющей; он не существует изолированно, а постоянно взаимодействует с другими концептами. Концепт, таким образом, – это многомерное ментальное образование, в нем выделяется понятийная сторона и «все, что делает его фактом культуры» – этимология, современные ассоциации, оценки [Там же].

В данном случае мы рассматриваем концепт чистоты, понимая под этим сущность чистоты, оценку в обществе, значимость, а также весь набор ассоциаций, связанных с представлениями о чистоте и смыслах, которые она в себе несет. Отдельные аспекты чистоты привлекали лингвистов, антропологов, философов, социологов, психологов, историков и других исследователей. Среди исследований ритуальной чистоты классической считается книга М. Дуглас³ той же проблематики касался в ряде работ М. Элиаде.

К вопросам телесной чистоты обращались Н. Элиас, Ж. Ле Гофф; в отечественной науке – О. Б. Вайнштейн, И. С. Кон, М. Н. Эпштейн, А. Рубинов. В перечисленных работах имеется как описание представлений о чистоте тела и практик очищения, так и их анализ. Обзор исследований последнего десятилетия фиксирует все возрастающий интерес к проблеме чистоты. Среди лингвистических исследований недавнего времени можно назвать статьи Е. С. Яковлевой, О. Н. Кондратьевой, Т. А. Демешкиной, О. С. Белозер, Т. Крыловой. В данных работах рассматриваются традиционные для русской культуры смыслы концепта чистоты, анализируется его связь с православной традицией, рассматривается трансформация концепта чистоты (по XIX в.), чистота соотносится с «порядком». Среди антропологических и социологических работ последних лет можно назвать статьи Д. Захарьина (посвящена феномену коллективного очищения), М. Желизнык (посвящена обзору гигиенических практик в советское и постсоветское время), Л. Гудкова (проводится анализ уровня личной гигиены в 1990-е гг.). Наконец, проблемам чистоты, грязи и мусора была посвящена отдельная конференция (Варшава, 1999), по итогам которой был выпущен сборник. Авторы статей касаются вопросов о том, что и как говорит о чистоте и мусоре язык, о статусе мусора и нечистоты в разных культурных пластах (народная культура, культовая практика, утопия), а основная

его часть посвящена концептуализации чистоты, грязи и мусора в искусстве.

Отдельных аспектов концепта чистоты, как мы видим, исследовано немало, вместе с тем, остается и ряд неизученных вопросов. Особый интерес представляет проблема чистоты в XX в. Век начинался с актуализации вопросов расовой и генетической чистоты, а в конце столкнулся с проблемой мигрантов, и новым появлением лозунгов расовой чистоты. В художественной жизни в музейные залы и на сцену стал проникать утиль, мусор. В отношении телесной чистоты это было время внедрения современных гигиенических норм на массовом уровне. В период существования тоталитарных режимов актуальной стала чистота идеологическая, практика политических чисток. Во второй половине XX в. внимание общества на вопросах чистоты сосредоточила экологическая проблема. Таким образом, проблема чистоты в XX в. оказалась актуальной сразу в нескольких сферах жизни. Интересно, что и в современной культуре актуальность ее не снижается. Мы уже отмечали рост интереса к проблематике чистоты в научной литературе последних лет (в лингвистических, антропологических, психологических, социологических, культурологических исследованиях); наблюдается он и в повседневной жизни: к проблеме чистоты постоянно обращает современного человека реклама, регулярно обнаруживая новые источники загрязнения и опасности, связанные с несоблюдением чистоты (болезнь, потеря привлекательности, успешности). Рынок средств личной гигиены продолжает пополняться высокотехнологичными новинками и все больше дифференцируется, формируется сектор клининговых услуг, в котором чистота позиционируется как искусство, требующее профессионализма.

Чтобы понять причины актуализации концепта чистоты в различные периоды, необходимо обратиться к его сущности. Известно, что концепт чистоты достаточно древний. Индоевропейское «skei» от которого произошло обще-

славянское «cístь» и древнерусское слово «чистый» означало «резать, отсекал ненужное» [8].

Представление о чистоте как об «отделении ненужного» имеет большую культурную значимость. В нем заложена необходимость упорядочивания, структурирования. Представления о чистом и нечистом предполагают проведение границы между этими состояниями, которая может быть более или менее четкой (строже в архаичных культурах, там, где речь идет о ритуальной чистоте, более размыта в современной культуре). Рассматривая чистое и нечистое в архаичных культурах, М. Дуглас пришла к выводу, что предписания, касающиеся чистого и нечистого, связаны с символическими структурами, и наши современные представления о чистом и грязном также отражают их [4. С. 64-66]. Наше поведение, касающееся нечистоты – это реакция, отторгающая любые предметы или идеи, не отвечающие значимым для нас классификациям [4. С. 66]. Структурирующая сущность представления о чистоте проявляется и в том, например, что чистота может выступать характеристикой «своего» в дихотомии «свой – чужой» [3]. В XX в. это подтверждается особенностями практик очищения в коммунальном быту: приватное стремятся сохранить в особой чистоте, в то время как общее пространство никогда подобной чистоты не достигает [11. С. 91-93]. Похожая ситуация встречается в современном отношении к общественным баням. Большинство тех, кто отказывается сегодня от посещения общественных бань, делают это, потому что считают их «грязным» местом (именно потому что оно «общее»).

Чистота, как то, что «сохраняют», «наводят», «берегут», предполагает усиления, т.е. обладает потенциалом действия. Чистота становится признаком порядка (грязь – атрибут хаоса, бесформенного состояния, лишнего какого-либо конкретного образа, чистота – атрибут космоса как упорядоченной структуры [3]). Упорядочивание проникает во все области жизни, и там, где начинается процесс

упорядочивания, формируются представления о чистом и нечистом. В XX в. особую актуальность получила проблема связи чистоты с порядком на социальном уровне. Так, массовое обучение населения нормам телесной чистоты в СССР в 1930-е годы имело целью дисциплинировать поведение, уменьшить количество социальных девиаций. Уже в конце XX в. практические меры советских властей получили теоретическое обоснование. Западными исследователями была сформулирована теория «разбитых окон», согласно которой мусор на улицах, граффити, грязь могут стать причиной роста преступлений; повышенное внимание к чистоте городского пространства, напротив, помогают уменьшить число социальных отклонений.

М. Эпштейн, исследуя проблему чистоты, выдвинул гипотезу о том, что именно «инстинкт самоочищения» способствовал созиданию культуры: «не есть ли самоочищение именно та мотивация, которая вернее всего способна работать на созидание культуры?» [16. С. 385], «не есть ли все то, что принято называть культурой, - лишь гигантский заслон человека от мусора, хаоса, беспорядка окружающей среды, т. е. иначе реализованная потребность чиститься?» [16. С. 374]. Культура, по мысли М. Эпштейна, есть система границ, каждая из которых наделена своей пропускной способностью отделять «свое» от «чужого». Она предстает как многослойная система фильтров – гигиенических, этических, ритуальных, информационных, многократно очищающих внутреннее пространство культуры от внешнего хаоса, «грязи» и «шумов» окружающего мира. Средство, которое может служить для очищения, может быть любым (вода, воздух высот, система общественных ритуалов, законы логики, правила перевода с языка на язык), важно лишь, чтобы этот элемент уносил с собой хаос, продукты распада, выделяемые человеком из собственного тела и души. М. Эпштейн рассматривает семь этапов выделения человека из природы (этапов самоочищения): гигиениче-

ский, экономический, социальный, эстетический, этический, интеллектуальный и религиозный [16. С. 385]. Не абсолютизируя вслед за автором инстинкт самоочищения, отметим, что отделение от среды играет важную роль в культуре, и подтверждение этому можно найти на самых разных уровнях.

Чистота также тесно связана с представлением об обновлении в культуре. Процесс очищения предполагает обнаружение и отделение лишнего (ненужного), результатом чего становится обновление предмета, рождение его новом качестве. М. Элиаде выявляет представление о «чистом времени»: с каждым Новым Годом наступает «новое», «чистое», «святое» (еще не изношенное) время; новый год, представляя собой восстановление космогонии в настоящем, предполагает возобновление Времени с самого начала, т. е. реставрацию первичного, «чистого» Времени, существовавшего в момент Сотворения [15. С. 52-54].

Чистота становится предпосылкой к обновлению: процесс очищения предполагает обнаружение и отделение лишнего (ненужного), результатом чего становится обновление предмета, рождение его в новом качестве. Поэтому очищение – важная часть обрядов инициации, свадебного, похоронного, а также праздников, символически связанных с обновлением мира (в современном обществе уборку также принято делать перед праздниками, важными событиями).

Метафора очищения как глобального обновления периодически актуализируется в культуре. В XX в. этот смысл чистоты оказался востребованным советской властью. Революция предполагала и повлекла за собой переделку мира: политической реорганизации власти, экономики, территориального устройства, социальной структуры, быта и образа жизни. Разрушение старого и строительство нового мира было связано с переструктуризацией, проведением иных границ, расстановкой приоритетов и «отсеканием ненужного». Этот процесс включал и символическое очищение среды от лю-

бых элементов, не согласующихся с большевистской идеологией, что обнаружилось, например, в масштабном переименовании населенных пунктов и улиц [7], в переводе письменности на новую орфографию.

Так совершалось очищение от старых, неактуальных смыслов (ср. «Мы разливом второго потопа перемоем мир города»). Метафора очистки оказалась очень востребованной идеологически.

Е. С. Яковлева по этому поводу отмечает: «Концепт чистоты в этом языке становится мощным орудием идеологической пропаганды. Достаточно вспомнить о чистке партийных рядов (кстати, в других славянских языках в этом значении используется именно русское слово), о чистоте ленинского учения (далеко не ко всякому «учению» приложимо понятие чистоты), о том, что очиститься <...> можно и от «греха» идейных заблуждений» - «пропагандистский» тип чистоты очевидным образом схож со средневековым религиозным» [17. С. 213] (ср. плакат «Тов. Ленин очищает землю от нечисти»).

Сущность представлений о чистоте заключается в принятии одних составляющих и непринятии других по каким-либо причинам. Концепт чистоты тесно связан с концептами порядка (чистота и грязь обнаруживаются в ходе структурирования мира) и новизны (очищение является формой обновления). Представления о чистоте формируются с древности, проникают во все сферы жизни, изменяются с ходом времени. Так, чистота характеризуется разным набором ассоциаций в православном самодержавном обществе, атеистическом и социалистическом или в современном «рыночно-демократическом».

Далее мы попробуем раскрыть эту специфику, сосредоточив внимание на двух видах чистоты: телесной и бытовой, т. к. именно к ним в XX в. было приковано внимание власти, на них в значительной степени сосредоточен интерес и современной культуры, к тому же телесная и бытовая чистота – это те виды, которые

регулярно задействованы в повседневной практике каждого человека.

Сложившиеся к началу XX в. представления о чистоте в России были определены предшествующей традицией, в частности, были тесно связаны с православными обычаями. Телесное очищение было условием для посещения церкви, частью православных обрядов (само слово «чистота» изначально употреблялось лишь в религиозном смысле [17. С. 200]). Вместе с тем, в XIX в. особая забота о телесной чистоте стала маркером высшего сословия. Эта традиция брала начало со времен Петра I, когда появилось сознательное противопоставление высшего сословия низшему, в том числе через внешний вид и соблюдение телесной чистоты. В XX веке с началом советской эпохи религия утрачивает свою роль, а на смену сословного деления приходит лозунг всеобщего равенства, соответственно, в этот период меняется и символическое значение чистоты. Трансформация смыслов чистоты в период от дореволюционного к советскому особенно показательна в тенденции оценивать чистоплотность негативно (как признак буржуазности) в первые послереволюционные годы [6. С. 207].

Затем, уже к середине 1930-х годов, приходит положительное восприятие чистоплотности как одной из личностных характеристик образцового советского человека, стахановца [6. С. 220, 271; 13. С. 56]. «Трудовая испачканность» на протяжении этого времени быстро превращается из «признака идейности» [12. С. 468], положительной черты, в отрицательную, признак распущенности. Впервые в истории советская власть начинает заниматься проблемами телесной чистоты в таком масштабе.

Начавшаяся в 1920-е гг. «борьба за чистоту» включала широкую пропаганду правил гигиены всеми возможными средствами: через плакаты, газеты и журналы (помимо статей о гигиене в основных газетах, в 30-е выпускались специализированные издания «За санитарную оборону», «Гигиена и здоровье»); через радио-

вещание (анализ программы передач за 1927 г. показывает, что беседы Санпросвета Наркомздрава передавались регулярно, как правило раз в неделю, иногда чаще), был задействован потенциал кинематографа, театра [2], даже садово-парковой скульптуры («Санминимум», «Купальщица», «Девушка с полотенцем» и др. [5. С. 592-668]). Внимание к телесной и бытовой чистоте со стороны советской власти было связано с притоком деревенского населения в города с началом индустриализации, и необходимостью привить этому населению нормы поведения. Нормы телесной и бытовой чистоты оказались особенно важными, т.к. во-первых, оказывали общее дисциплинирующее воздействие, а во-вторых, рассматривались как залог здоровья, соответственно, успешного труда на производстве (что часто в открытой форме высказывается в источниках, см., например, «Спутник юного пионера»; сборник «Каким должен быть коммунист»; плакаты 1920-30-х годов («Отчего больны эти люди?»)).

В течение остального советского периода небрежный внешний вид сразу вызывает подозрение: в ряде советских статей 1970-80-х гг. можно найти сведения о том, что по длинным волосам и грязной одежде часто отличали неблагонадежную молодежь, наблюдается связь неопрятного внешнего вида с «низким КПД» молодых людей подобной наружности, «немытые» означает «бездельники», которые не трудятся как могли бы, ничего не делают на благо общества.

Отметим, что асоциальные группы людей часто в общественном сознании наделяются характеристикой «грязный», т. к. они не попадают в классификацию. Так, например, тотальное очищение Москвы перед «Олимпиадой-80» включало не только бытовую очистку и мытье города, но и удаление из него бездомных, нищих, проституток и прочих асоциальных элементов [14. С. 34].

Послевоенный период (и вплоть до распада СССР) привнес изменения в представления о чистоте. Пропаганда заботы о чистоте продолжалась, но теперь

она не была уже повсеместной, касалась в основном детей. Проблема чистоты стала менее актуальной. Это было связано с тем, что взрослое поколение освоило нормы телесной чистоты и могло передавать их своим детям. В целом же для советского периода характерно утилитарное представление о чистоте: она ценится как условие здоровья и залог труда. Средства гигиены были стандартные, градация их – незначительной (мужские, женские, детские). Главным являлось утилитарное назначение вещи, и эти предметы полностью соответствовали идеологии.

С переходом от советской к постсоветской эпохе концепт чистоты переживает дальнейшую трансформацию. В постсоветский период фиксируется новая актуализация вопросов телесной и бытовой чистоты, о чем говорит возвращение этих тем в публичный дискурс. В отличие от советской эпохи, сегодня это касается и более откровенных тем интимной чистоты, которые обсуждаются свободно. Личная и бытовая чистота ушла из-под идеологического влияния, которое видело в человеке лишь ресурс и принуждало соблюдать чистоту, потому что это полезно.

Сегодня СМК поставляют в качестве современного идеала образ ухоженного, следящего за собой человека. Телесная чистота становится залогом успешности и сексуальной привлекательности. Процесс ее достижения рассматривается как одно из удовольствий, дарующее наслаждение, а не как механическая процедура. Средства достижения телесной чистоты рекламируются как не просто очищающие, но приносящие невероятное удовольствие, а также бесконечно дифференцируются, чтоб каждый мог отыскать самое подходящее лично для себя. Современная культура пропагандирует крайний индивидуализм и преувеличенную заботу о себе. При этом «рекламные загрязнители сплошь культурны, цивилизационны и престижны. Всякие помарки, пятна и натёки – результат не нашей нечистоплотности и неряшливости, а обра-

щения с маслом, вином, соками» [12. С. 468].

Сейчас в обществе уже не стоит масштабной задачи привития норм телесной чистоты – она была решена в советскую эпоху. Жесткий контроль государства над человеческой телесностью ослабевает, забота о теле переходит в сферу личности. Современное отношение к телу становится все ближе к почитанию тела. Немецкий исследователь Томас Алкемейер отмечает: индивиды в связи с произошедшими изменениями и возрастанием влияния рынка, теперь поголовно вынуждены заняться «телесным менеджментом» [1. С. 210].

Тело становится товаром, и оно должно быть максимально привлекательным, чтобы быть успешно «проданным». Чистое, спортивное, сексуальное тело свидетельствует о профпригодности индивида, повышает его конкурентоспособность в современном мире.

С переходом от советской к пост-советской эпохе концепт чистоты переживает дальнейшую трансформацию, которую мы наблюдаем сегодня.

Анализ концепта чистоты в культуре России XX в. показывает неизменность существенных характеристик чистоты. В частности, подтверждает вывод, что сущность концепта чистоты заключается в представлении об отделении, «отсечении ненужного»; чистота может являться характеристикой «своего» пространства в дихотомии «свой / чужой»; концепт чистоты тесно связан с порядком и обновлением на физическом и на символическом уровне. С другой стороны, анализ концепта чистоты в культуре России XX в. показывает, что представления о чистоте исторически изменчивы и зависят от специфики культуры конкретного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алкемейер Т. Стройные и упругие: политическая история физической культуры // Логос: Философско-литературный журнал. 2009. №6.
2. Воронина Т. Санитарное просвещение в СОКК и КП и борьба за «новый быт» в 1930-е годы [Электронный ресурс]. URL : <http://el-history.ru/node/328>
3. Демешкина Т. А. Концепт чистоты по данным среднеобских словарей [Электронный ресурс]. URL : http://www.belovo.ru/conferens/conferens_03/SEK3.html
4. Дуглас М. Чистота и опасность. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
5. Золотоносов М.Н. Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX-XX веков. – М. : Ладомир, 1999.
6. Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: Летний сад, 1999.
7. Поспелов Г. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917-1992). – М.: Русские словари. 1993.
8. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://evartist.narod.ru/text15/027.htm>.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
10. Стернин И. А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5.
11. Утехин И. В. Очерки коммунального быта. – М. : О.Г.И, 2004.
12. Фарыно Е. Уроки и перспективы «чистоты/грязи/мусора» // Польско-славянские литературные исследования.– Варшава: Ин-т Славистики ПАН, 1999.
13. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М. : РОССПЭН, 2008.
14. Шмелева Т. Семиотический мусор городской среды // Польско-славянские литературные исследования. – Варшава: Ин-т Славистики ПАН, 1999.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

15. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
16. Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук . – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
17. Яковлева, Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.